

Д.В. Ларкович
Сургут, Россия

ПАВЕЛ I В ЛИРИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА

Аннотация: Статья посвящена проблеме восприятия Г.Р. Державиным личности императора Павла I и специфике его отражения в лирике поэта. В целом, не выходя за пределы жанрово-риторической традиции, Державину удалось создать динамичный художественный образ современного ему монарха, отмеченный чертами авторской оценочности, которая сложилась в процессе личных контактов императора и поэта.

Ключевые слова: Державин, Павел I, русская поэзия, лирическая рефлексия.

D.V. Larkovich
Surgut, Russia

PAUL I IN LYRICAL REFLECTION OF G.R. DERZHAVIN

Annotation: The article is devoted to G.R. Derzhavin's perception of the emperor Paul I and its reflections in his lyrics. G.R. Derzhavin was a success at creating a fast-moving word picture of a modern monarch. This picture is marked by author's evaluation formed during the private contacts of a monarch and a poet.

Keywords: Derzhavin, Paul I, Russian poetry, lyrical reflection.

Как известно, весь XVIII век в России прошел под знаком имперского величия. Стремительное развитие российской государственности, начавшееся ещё в середине XVII столетия и получившее мощный стимул при Петре I, определило особый вектор развития национальной культуры и сформировало четкую систему её идеологических приоритетов. Это развитие проходило в русле общеевропейских процессов эскалации государственного самосознания и было во многом ими подготовлено. Однако, как отмечает В.М. Живов, «европейские идеи попадали в России не на девственную почву, а в контекст сложившейся культурной традиции. Поэтому трансплантируемые идеи здесь преобразались и получали новую жизнь. Идея монарха как установителя социальной гармонии и блюстителя общественного блага соединялась здесь с традиционными мессианистическими представлениями, сформулированными в концепции Москвы – Третьего Рима. Соответственно, из медиатора космического порядка монарх превращался здесь в демиурга, в творца нового царства, которое должно преобразить мир» [Живов 2000, 664].

В самых общих чертах можно выделить две основные линии, на пересечении которых и определились основные черты русский государственной мифологии XVIII столетия. Одна из них, восходящая к византийским представлениям о помазанничестве Божиим и имеющая обоснование текстом Священного писания (например: 1 Цар. 24. 7, 11), традиционно рассматривала царский сан как особую харизму, которую самодержец получал в качестве личного дара при восшествии на престол. В соответствии с этим, власть царя воспринималась как изначально и безусловно праведная, ибо отождествлялась в сознании русского человека с волей Всевышнего [см.: Успенский 1994, 110-218]. В культурной практике подобные представления были связаны прежде всего с личностью Петра I, ибо, как отмечает Д. Крыстева, «весьма важное

направление в художественных текстах XVIII века, посвященных Петру I, – конструирование представления об императоре как о демиурге России. Ориентация на первые стихи Книги Бытия о возникновении света из мрака очевидна в фигуре “до Петра в России был мрак, после него воссиял свет”» [Крыстева 1992, 18]. Отсюда тотальный культ монарха как Божественно потенцированного выразителя национальных интересов и его идеализация средствами панегирической литературы:

Теперь во всех градах Российских,
По селам и в степях Азийских
Единогласно говорят:
«Как Бог продлит чрез вечно время
Дражайшее Петрово племя,
Щастлива жизнь и наших чад:
Не будет страшныя премены,
И от Российских храбрых рук
Рассыплются противных стены
И сильных изнеможет лук
[Ломоносов 1959, VIII, 134].

Другая линия, которая достаточно оригинально коррелировала с первой, является результатом рецепции европейской секулярной культуры и условно может быть названа рационально-просветительской. Она делала акцент на «человеческих» качествах личности монарха и допускала возможность его нравственного образования во имя достижения социальной гармонии. Эта концепция постепенно получила встречное движение и со стороны самой царствующей особы, которая всё более и более явно давала понять, что она готова просвещаться и что сакральный статус монарха вовсе не исключает частных человеческих интересов. Особенно очевидно это проявляется в период правления Екатерины II, которая увлеченно переписывается с философами (Вольтером, Дидро, Даламбером и др.), избегает пышного церемониала в придворном быту и, говоря словами В. Проскуриной, «не только не

скрывает, но всячески подчеркивает свои “человеческие” качества» [Проскурина 2006, 201].

На фоне этих общекультурных тенденций и формируются собственные воззрения Державина на сущность монаршей власти и на роль самодержца в судьбе нации, которые выкристаллизовались в процессе служебных и личных контактов с тремя русскими самодержцами, были существенно скорректированы трудами европейских мыслителей и эволюционировали по мере накопления собственного жизненного опыта. Персонифицированные в образах современных монархов, эти воззрения легли в основу его поэтического творчества и определили одну из магистральных линий его развития.

В ряду державинских персонажных модификаций царственных особ образ Павла I занимает наиболее скромное место, видимо, в связи с тем, что с правлением этого монарха поэт не связывал особых надежд и не видел в нём сколько-нибудь масштабную фигуру, способную конструктивно повлиять на развитие национальной государственности¹. Двойственное положение Павла в бытность его наследником российского престола и его непростые отношения с венценосной родительницей² вообще ставили русских стихотворцев в непростое положение. Литературный этикет XVIII столетия в панегирических текстах, адресованных наследнику, предполагал обязательное указание на построение его грядущей властной деятельности по образцу предшественника. И хотя в случае с Павлом и Екатериной подобные высказывания о преемственности приобретали двусмысленный характер, в русской одической практике 1770–1790-х гг. они звучали повсеместно и воспринимались как неотъемлемая риторическая фигура, например: «Тебя Минерва возрастила / Екатерине подражать» [Сумароков 1787, II, 123]. Примечательно, что эту фигуру поэты, близкие к партии Н.И. Панина (А.П. Сумароков, В.И. Майков и др.), нередко использовали для эксплицитного выражения оппозиционной политике Екатерины II взглядов, с которыми связывалась надежда на просвещенное и либеральное правление Павла [см.: Гуковский 1939, 139-141].

В 1770-е годы (как, впрочем, и позже) Державин не был в числе фрондирующих литераторов, поэтому первый его поэтический опус, посвященный цесаревичу, отнюдь не содержал никакого скрытого политического подтекста. Эмоциональный тон его оды «На бракосочетание великого князя Павла Петровича с Натальею Алексеевной» (1773)

¹ В державинских «Записках» имеется характерный эпизод, согласно которому, после размолвки с Павлом, произошедшей в первые месяцы его правления и завершившейся удалением поэта-сенатора из состава Верховного Совета, Державин «довольно громко сказал в зале стоящим: “Ждите, будет от этого ... толк”» [Державин 1871, VI, 705].

² Известно, что при восшествии на престол в 1762 г. Екатерина подписала манифест о передаче власти своему сыну по достижении им совершеннолетия, условия которого так и не были осуществлены. Незадолго до смерти ею был подготовлен документ о переходе престола не к Павлу, а к его сыну Александру. Документ не был обнародован, но, о его существовании, по всей видимости, знал и Державин (см.: II, 359-360). Подробнее о личных взаимоотношениях Екатерины и Павла см.: [Шильдер 1901, 231-264].

представляет собой любопытное сочетание пиндарического восторга, вызванного мыслью о нынешнем и грядущем величии России, и любовного томления, инспирированного условным созерцанием счастливого брачного союза. Вслед за адресатами своего стихотворного обращения лирический субъект погружается в сладостный мир любовной неги, причем, как справедливо замечает А.А. Левицкий, «эта любовь не отвлеченного характера, более причастующего описанию отношений “Их Императорских Высочеств”, а “страстного” в описании поэта» [Левицкий 1997, 63].

Действительно, образ Павла предстает здесь в откровенно эротическом ореоле, который призваны подчеркнуть многообразные риторические формулы, заимствованные из арсенала любовной лирики: молодой супруг «питает огонь в крови», пребывает во власти «жара любви», его «сердце сердцу отвечает», он «горит», «пылает» и т.п. Сладостной негой любви пронизано и само пространство, в котором пребывает чета «супругов страстных»:

Между лавровыми древами
Там нега свой имеет трон,
На ложах роз, под мирт ветвями
Природу тих лелеет сон;
В тенях тут горлиц въздыханье,
В водах там лебедей вскриканье ...
[Державин 1866, III, 266].

Однако ни Павлу Петровичу, ни Наталье Алексеевне, «на бракосочетание» которых написана ода, не принадлежит ведущая роль в её образной системе. Центральное место здесь занимает образ «жены, Орлом взнесенной» – Екатерины. Именно к ней постоянно апеллирует лирический субъект, стремясь подчеркнуть историческую значимость свершившегося события, именно она обращается ко Всевышнему со словами благодарности за щедрое покровительство российского престола, да и сама нежная страсть наследника к той, кто «взор всех преклонила» и «дух всех победила», оценивается весьма прагматически – как приращение царского дома и перспектива приумножения личных заслуг монархини на благо Отечества:

Екатериныны заслуги
Млады пробавят в нас супруги,
Господь ущедрит их плодом:
Нам вечна будет кровь Петрова!
[Державин 1866, III, 266].

Как известно, ранняя смерть великой княгини Натальи Алексеевны не позволила осуществиться этим поэтическим предсказаниям, а ампула страстного любовника никогда более не возникало в творчестве Державина в связи с личностью Павла.

Совсем иной ракурс его образа представлен в стихотворении «На освящение Каменноостровского инвалидного дома» (1778), созданию которого предшествовала женитьба Державина на Екатерине Яковлевне Бастидон – молочной сестре великого князя, что, говоря словами Я.К. Грота, «несколько приблизило его к цесаревичу» [Державин 1864, I, 62]. Поводом к написанию стихотворения послужил

ло учреждение по инициативе Павла Петровича благотворительного заведения для моряков-ветеранов, отличившихся в сражениях русско-турецкой войны 1768-1774 годов. Этот акт милосердия нашел глубокий отклик в душе Державина и предопределил общий тон стихотворного посвящения.

Здесь цесаревич и его вторая жена Мария Федоровна являют собой образ добродетельной четы, совершающей акт милосердия не по долгу их положения, а по склонности их «чистых душ», что толкуется автором как приношение высокой испуительной жертвы на алтарь благодати Господней. Этот образ слабо индивидуализирован, однако лирический субъект всё же пытается пунктирно наметить некоторые доминирующие черты характера каждого из венценосных супругов: воинственность Павла («Как огонь из туч врагов сразит...») и кротость Марии («А кроткая душой Мария / Улыбкой нежною своей...»). Это противоречивое единство воинской доблести и кроткого милосердия, по мысли автора, и есть залог грядущего процветания России.

Богоугодный характер миссии, осуществляемой Павлом и Марией, определяет особый тон лирического монолога, для которого характерны молитвенные интонации. Лирический субъект предстаёт в облике псалмопевца («Воскликни громку песнь, псалтырь»), обращающегося к Всевышнему с просьбой о покровительстве венценосной четы, царского дома и всей России:

А Ты из светлости подзвездной
От них Твой взор не отвращай:
Храни вовек их дом любезный,
Россию милуй и спасай!
[Державин 1864, I, 65].

В ряду державинских стихотворений, посвященных Павлу, «На освящение Каменноостровского invalidного дома», вне всякого сомнения, является самым искренним и овеянным личным чувством автора.

Очередное обращение к образу Павла происходит уже на период его царствования. Вообще следует заметить, что случаи актуализации этого образа носили в творчестве Державина ситуативный, а не системный и не программный характер, что подтверждает мысль о невысокой степени державинской оценки Павла как исторической фигуры³. Тем не менее, в 1797 году он сочинил стихотворную надпись «К изображению императора Павла I-го при вступлении его на престол», где обыграл имя нового самодержца (Павел – от лат. *paulus* – букв. «малыш», т.е. человек, обладающий детской открытостью и добродушием; рифма «Павел – ангел»; связь с тезоименитым святым патроном – апостолом Павлом; Первый – т.е. предводитель, лидер) и выразил пожелание видеть в его лице «сподвижника Петра» [Державин 1866, III, 371].

И лишь обстоятельства размолвки со вспиль-

³ Несмотря на то, что служебная карьера Державина в период правления Павла I была достаточно успешной и сам он пользовался доверием императора («Государь имел полную доверенность к Державину по известному всем безкорыстию его» [Державин 1871, VI, 726]), это время оценивается в его «Записках» как «смутное» [Державин 1871, VI, 747].

чивым монархом и поиск путей к примирению вынудили Державина откликнуться на событие его коронации полноценным одическим приветствием, хотя и с некоторым запозданием⁴. Впрочем прагматический характер стихотворения «На новый 1797 год» очевиден: это один из целого ряда риторически-рассудочных поэтически текстов, написанных в год восхождения Павла на престол («Ода на случай присяги московских жителей Павлу Первому» Н.М. Карамзина, «Ода на отшествие Павла Петровича в Москву для коронации» К.А. Кондратовича, «Ода государю императору Павлу Петровичу на всероссийский престол восшествия» С.В. Руссова, «Ода его императорскому величеству Павлу Петровичу» Д.И. Хвостова и др.) и выразивших общее настроение надежды на грядущие перемены⁵.

Образ Павла представлен в державинском стихотворении в двух ракурсах. Внешний ракурс предполагал взгляд на результаты деяний монарха в первые дни его царствования («цепь звучно с узников упала», «свой хлеб насущный узрел всяк в житнице своей», «всяк ... долг свой тщательно творит», «на стогне крепко страж стоит», «седина почестями покрылась», «собирают бедных, вдов, сирот» и т.п. [Державин, 1865, II, 18-19], которые следовали в порядке перечисления и в совокупности должны были дать представление об общем оптимистическом оживлении, установившемся с приходом нового государя («всяк движется, стремится, внемлет»). Внутренний ракурс был призван акцентировать внимание на личных качествах Павла, мотивирующих истоки этого оживления. Несмотря на ограниченность биографического контекста этого образа, автор тем не менее отмечает присущие его прототипу религиозность, рыцарский культ чести и твердость в принятии решений. В целом, в лирическом монологе доминирует форма будущего времени и господствует эмоциональный настрой предчувствия «века златаго» [Державин, 1865, II, 25], который быстро иссякает в последующих «павловских» текстах.

Отзвуки этого персонажного образа появятся ещё в гневном поэтико-политическом памфлете Державина «На Мальтийский орден» (1798), направленного против французской республики, и двух переводных стихотворений: «Пришествие Феба» (1797) и «На кончину императрицы Екатерины II и на восшествие на престол императора Павла I» (1799), которые достаточно косвенно выражают авторское от-

⁴ Эту ситуацию Державин подробно излагает в «Записках»: «... Державин, по ропоту домашних, был в крайнем огорчении и наконец вздумал он, без всякой посторонней помощи, возвратить к себе благоволение Монарха посредством своего таланта. Он написал оду на восшествие его на престол, напечатанную во второй части его сочинений под надписью «Ода на новый 1797 год» и послал ее к Императору через Сергея Ивановича Плещеева. Она полюбились и имела свой успех» [Державин 1871, VI, 707].

⁵ В своём комментарии к державинской оде «На новый 1797 год» Я.К. Грот отмечает: «Похвалы, воздаваемые в этой замечательной оде Павлу I, совершенно оправдываются отзывами других тогдашних писателей, которые, согласно с *Объяснениями* Державина, свидетельствуют, что в начале своего царствования этот государь опроверг своими действиями все мрачные ожидания и многими чертами великодушия, милосердия и справедливости обратил общия опасения в радостныя надежды» [Державин 1865, II, 17].

ношение к своему венценосному персонажу. Между тем примечательно, что мифориторическое уподобление Павла солнечному богу Аполлону, впервые появившееся в «Пришествии Феба», уже через год в оде «На Новый 1798 год» трансформируется в мотив затемнения солнца [см.: Морозова 2002, 59]. Данное стихотворение вообще пронизано мыслью о зыбкости и непостоянстве земного бытия; о справедливой и непостижимой воле Всевышнего, в чьей единственно власти находится удел властителей земных; о справедливом воздаянии каждому по делам его:

Мы видим троны сокрушенны
И падших с них земных богов:
На их развалинах рожденны,
Не расцветут ли царства вновь?
Блиставший на своем восходе.
Не тмился ль часто в полдень Феб?
[Державин 1865, II, 147].

Позднее в «Объяснениях» Державин достаточно определенно пояснял этот смелый авторский пассаж: «Сия мысль относилась на императора Павла, который, в полудни своего царствования поступая неблагоразумно, заставлял всякого думать, что царствование его скоро затмится» [Державин 1866, III, 666].

И уж вполне определённо и однозначно авторское отношение к личности Павла I сформулировано в стихотворном отрывке, написанном в связи со смертью А.В. Суворова:

Вторжествовал – и усмехнулся
Внутри души своей тиран,
Что гром его не промахнулся,
Что им удар последний дан
Непобедимому герою,
Который в тысящи боях
Боролся твердой с ним душою
И презирал угрозы страх ...
[Державин 1866, III, 379].

Разумеется, это незавершенное стихотворение, в котором поэт напрямую связывает смерть великого полководца с опальными гонениями императора, не могло быть опубликовано по цензурным соображениям. Но ещё при жизни Суворова, не называя имени монарха, Державин неоднократно указывал в своих поэтических сочинениях («На возвращение графа Зубова из Персии» 1797, «К лире» 1797, «Капнисту» 1797, «На победы в Италии» 1799 и др.) на факт этих преследований, отмечая ту меру благородного достоинства, с которым полководец сносил

Данные об авторе:

Дмитрий Владимирович Ларкович – доктор филологических наук, доцент, декан филологического факультета Сургутского государственного педагогического университета (Сургут).

Адрес: 628417, Тюменская обл., г. Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, 10/2, к. 404.

E-mail: dvl10@yandex.ru

About the author:

Dmitriy Vladimirovich Larkovich is a Doctor of Philology, Associate Professor, Dean of the Philological Department Surgut State Teacher's Training University (Surgut).

свою незаслуженную опалу:

На бранях ставя тверду грудь врагам,
Велик, непобедим он был войною.
Никто его сокрыть не может тмою
(курсив мой. – Д.Л.):
Преграды нет лучам
[Державин 1866, III, 372].

Не удивительно, в этом смысле, то, что, приветствуя в стихах весной 1801 года нового императора, трагическую гибель самого Павла Державин определил прозрачной и оценочно выразительной метафорой: «Умолк рев Норда сиповатый, / Закрылся грозный, страшный взгляд» [Державин 1865, II, 356]. Так за три десятилетия образ Павла претерпел в державинской поэзии семантическую эволюцию от пылкого любовника до торжествующего тирана, от источника тепла и света к средоточию холода и тьмы.

ЛИТЕРАТУРА

Гуковский Г.А. Русская литература XVIII века. – М.: УЧПЕДГИЗ, 1939.

Державин Г.Р. Сочинения. С объяснит. примеч. Я. Грота. Т. I–IX. – СПб.: Типография Императорской академии наук, 1864–1883.

Живов В.М. Государственный миф в эпоху Просвещения и его разрушение в России конца XVIII века // Из истории русской культуры. Т. IV (XVIII – начало XIX века). – М.: Языки русской культуры, 2000. С. 657–684.

Крыстева Д. Поэтическая формация мифов о Петре I и «Медный всадник» Пушкина // Русская литература. – 1992. – № 3. – С. 12–25.

Левецкий А.А. Две Екатерины в поэзии Г.Р. Державина // Державинские чтения. – СПб.: Геликон плюс, 1997. Вып. 1. С. 62–75.

Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений: в 11 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР; Наука, 1950–1983.

Морозова Н.П. О стихотворении Г.Р. Державина «К царевичу Хлору» // Н.А. Львов и его современники: литераторы, люди искусства. Материалы Международного симпозиума. – СПб.: Санкт-Петербургский научный центр РАН, 2002. С. 58–65.

Проскурина В. Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II. – М.: Новое литературное обозрение, 2006.

Сумароков А.П. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе. 2-е изд. Ч. I–X. – СПб.: Университетская типография Н. Новикова, 1787.

Успенский Б.А. Царь и бог // Успенский Б.А. Избранные труды. – М.: Изд-во «Гнозис», 1994. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. С. 110–218.

Шильдер Н.К. Император Павел Первый. Историко-биографический очерк. – СПб.: Издание А.С. Суворина, 1901.